

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

ФЕНОМЕН «СОПРОТИВЛЕНИЯ»: ОТ СПОНТАННОГО ПРОЯВЛЕНИЯ К КОМПЛЕКСНЫМ ОТВЕТАМ

Илья Васильевич Ермолин (ilyaer31@gmail.com)

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ), Москва, Россия;
Университет Лидса, Великобритания

Цитирование: Ермолин И.В. (2019) Феномен «сопротивления»: от спонтанного проявления к комплексным ответам. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 141–165. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.6>.

Аннотация. Автор рассматривает эволюцию социально-культурного и экономического феномена сопротивления от зарождения спонтанных форм в традиционных обществах до сложных форм в современном мире. Сопротивление прошло путь от индивидуального акта самосохранения и спонтанно организованных восстаний в эпоху Средневековья до коллективных стратегий влияния на процесс принятия решений, когда оно, с одной стороны, приобрело черты формальной оппозиции в рамках стабильной политической системы, с другой — приняло организованную форму долгосрочного социального протеста, порождаемую социальной реакцией в виде автономных сообществ анархистского типа на разрушение социально-экономической и политической системы государства и возникшее вследствие этого состояние аномии. На примерах автономных сообществ стран Западной Европы и США, а также постсоветских государств автор показывает различия в социальной структуре автономных сообществ трех типов, а также различия социальных реакций на стратегии государственного регулирования широкого спектра. Тогда как в автономии первого типа сопротивление носит символический характер, постановочные автономии второго и третьего типа адаптируют либо мягкие формы («оружие слабых»), либо жесткие формы коллективного сопротивления в рамках полицентричной модели гегемонии. Чередование форм, а также закрытая социальная структура и процессы дают возможность для сообществ второго и третьего типа автономии успешно противостоять широкому спектру мер государственного регулирования: в зависимости от степени сдерживания государственных мер сообщества либо увеличивают масштаб криминальной экономической деятельности (жесткие формы), либо уменьшают, используя другие сферы неформальной экономики.

Ключевые слова: сопротивление, автономное сообщество, аномия, жесткая и мягкая формы социальной реакции, лиминальность, гегемония.

Концепт «сопротивления», подобно множеству других, всегда относился к ряду теорий, полных противоречий. Развитие социологической и антропологической мысли начиная с конца XIX в. способствовало расширению рамок применения термина «сопротивление» (*resistance*), подразумевая под ним как индивидуальный, так и коллективный тип действия. Сопротивление рассматривалось авторами изначально как феномен политической культуры, часто являющийся механизмом классовой борьбы, ведущей к смене власти путем социальных революций. Такой взгляд на сопротивление характерен для двух парадигм социальной антропологии — марксизма и постколониализма, сторонники которых вначале рассматривали сопротивление как ключевой элемент исторического процесса социальных изменений. Однако постепенно стало понятно, что «зеленая» аграрная революция, накрывшая развитые и чуть позже развивающиеся страны мира в контексте глобализации середины XX в., породила те формы сопротивления, которые, как оказалось, существовали всегда, но были малозаметны для исследователей. Так получила свое дальнейшее развитие концепция «моральной экономики». Развал СССР способствовал появлению на свет социальных структур, адаптация которых к новой реальности постсоциализма потребовала выработки специальных социальных норм, позволяющих сделать это быстро и эффективно. Сопротивление в случае постсоциализма проявилось в возникновении комплексных социальных ответов, исходивших от разных типов локальных сообществ на вызовы состояния аномии и последовавшее позже возвращение государства на сцену регулирования.

Автор проводит теоретический анализ эволюции концепции «сопротивления» от ее первоначальных истоков в политической экономике до современного взгляда на сопротивление как многоуровневый процесс, совмещающий как организованные, так и скрытые (латентные) практики противодействия государственному регулированию. В качестве основных аналитических категорий предполагается использовать гегемонию, лиминальные состояния (состояния перехода), а также концептуальную дихотомию «мягких» и «сильных» форм сопротивления, которые могут быть классифицированы как отражение организованного типа сопротивления с одной стороны, и латентных практик повседневного сопротивления — с другой. Автор утверждает, что усложнение структуры социальных групп и внутригруппового взаимодействия со временем породили многоуровневые социально-культурные адаптации, которые нельзя свести к анализу либо организованного, либо скрытого сопротивления. Системные социально-экономические и политические кризисы способны видоизменить динамику развития таких многоуровневых адаптаций, которые станут

серьезной помехой для реализации государственных мер регулирования в соответствующей сфере жизнедеятельности.

Право на восстание: «сопротивление» в традиционных обществах

Первоначальная концептуализация феномена сопротивления затрагивала прежде всего политические аспекты. Для классиков марксизма сопротивление было обусловлено антагонизмом, присущим классовой структуре социума и, соответственно, определяющим социальные изменения в их долгосрочной перспективе. Социально-экономические отношения, определявшие революции как единственный способ разрешения классовых противоречий, предполагали открытую конфронтацию эксплуататоров и эксплуатируемых. Политическое сознание индивидов было определено коллективными классовыми интересами, и сопротивление носило скорее коллективный, нежели индивидуальный характер. Марксисты рассматривали эксплуатируемые классы (прежде всего рабочих и крестьян) как коллективы, которые априори обладают политическим классовым сознанием, делающим возможным их объединение в более или менее боеспособные организации, в которых сопротивление эксплуататорам проходит в рамках целенаправленного потока (Wolf 1982; Mintz 1985). В отличие от идеи о коллективном праве на восстание, ставшей краеугольным камнем работ марксистов конца XIX — начала XX в., мысль об организованном политическом сознании как основе сопротивления в последующем была оспорена в трудах неомарксистов (Hobsbawm 1959; 1969 (1985); Taussig 1980; Thompson 1971; 1975; Hay 1975)*.

Эрик Хобсбаум (Hobsbawm 1959; 1969 (1985)) впервые отошел от взгляда на социальный протест как экономически мотивированное и хорошо организованное восстание. Гражданское неповиновение — это продукт несправедливости, попирания моральных качеств, присущих социуму как коллективному организму в конкретный исторический период времени. Хобсбаум впервые ввел понятие социального бандитизма как формы социального протеста в «дополнительную» эпоху, когда образ Робин Гуда или Бонни и Клайда воспринимался как единственный эффективный субъект, гарантировавший хоть какое-то справедливое перераспределение

---

* Неомарксисты, в частности, обратили внимание на незрелость многих социальных классов для коллективного восстания, отталкиваясь от концепции К. Маркса «класса-в-себе» и «класса-для-себя», впервые обозначенных теоретиком в работе «Нищета философии» (Маркс 1955). Вольф и Минц, думается, допускали зрелость прежде всего рабочих для политической борьбы и поэтому предполагали революционный эффект домино, порожденный «созревшим» рабочим классом Центральной и Западной Европы.

материальных благ. Социальный бандитизм определенно не менял социально-политической системы, но приносил моральное удовлетворение дезорганизованным массам необразованного крестьянства, которое видело в таких бандитах кару Божью за нарушение определенных локальным сообществом социальных норм взаимодействия. Локальное сообщество для Хобсбаума — это не только средневековое крестьянство, замкнутое территориально и в общем-то достаточно лояльное властям. Секретные сообщества, такие как мафиозные организации, представляют собой закрытые организации с хорошо выстроенной иерархической системой взаимодействия. Изменения, которые привнес капитализм, спровоцировали появление на свет другой формы социального бандитизма. Если крестьяне выступали открыто и поддерживали тех, кто «справедливо» сопротивлялся наступлению «эксплуататоров», то адаптация секретных сообществ проходила в куда более закрытом русле — через построение социально-политических сетей в представительных органах власти и дальнейшего внедрения коррумпированных практик (Paoli 2008).

Сохранение явления социального бандитизма характерно и для крестьянства в «политическую» эпоху, как подчеркивал Хобсбаум, когда в сфере сельского хозяйства уже распространились практики организованной борьбы в виде профсоюзных объединений, политических партий, создаваемых крестьянством, и т.д. Однако историк не уточнял, каким образом взаимодействие во все более сложной социально-политической структуре с развитыми институтами лоббизма и парламентско-министерской ответственности включает в себя открытые стратегии сопротивления в виде социального бандитизма, какие изменения привнесли стратегии адаптации крестьянства к изменениям, происходившим в их социальной среде благодаря ускоренным темпам урбанизации. Появление государства «социального благосостояния» в Западной Европе вслед за переходом части крестьянства в стан пролетариата нивелировало проблему социальной дифференциации — основы «робингудства» Средних веков и Нового времени, в то же время фактически ликвидировав его потенциал к социальным революциям.

Анализ феномена социального бандитизма как первоначальной формы сопротивления получил дальнейшее развитие в работах, посвященных историческому анализу возникновения организованного браконьерства в средневековой Англии и массовым социальным ответам крестьянства на вводимые государством регулятивные меры против браконьерства в виде, например, смертной казни за расхищение флоры и фауны (Archer 1999; Hay 1975; Jones 1979; Manning 1993; Osborne, Winstanley 2006). Историки и социологи исследовали браконьерство как «народное преступле-

ние» (folk crime) (Forsyth et al. 1998; Forsyth and Marckese 1993), основанное на господстве механизма реципрокности внутри социальных групп определенного (в данном случае угнетаемого) класса. Реципрокность выступает как «форма интеграции» традиционного социума (Поланьи 2002: 86), что положительно влияет на формирование спонтанного сопротивления государственному регулированию, и часто, как показано в многочисленных исследованиях, переходит в более сложное, организованное состояние сопротивления.

Параллельно историческому анализу, предпринятому Хобсбаумом и его последователями, в этнографии и антропологии М. Глюкман и Э. Тёрнер предложили свое объяснение «первобытного» сопротивления. Глюкман говорил о сопротивлении в первобытнообщинном обществе как о явлении, санкционированном вождем или старейшинами (Gluckman 1954). Исследования ритуалов инициаций в Африке среди племен зулу, тсонга и свazi подтолкнули антрополога к выводу, что, например, переходные ритуалы рождения и церемонии коронации царствующих особ, во время которых всем членам племени дозволялось всячески унижать знать, предотвращали затяжные социальные кризисы, заканчивающиеся обычно революциями. Санкционированное сопротивление, как подчеркивал Глюкман, способствует сохранению устойчивой структуры социальной иерархии, где социальные роли и позиции распределены с рождения. Консервация сложившейся социальной иерархии выгодна как знати, так и их подчиненным, поскольку, с одной стороны, предотвращает перераспределение благ внутри племенного общества, что выгодно знати, с другой — дает возможность низшим слоям выразить свое несогласие с существующим материальным и статусно-ролевым неравенством, по крайней мере через разрешение ритуальной борьбы с ним.

Развитие идеи переходных состояний Глюкмана в русле концепции сопротивления связана с именем Э. Тёрнера, разработавшего концепцию лиминальности и считавшего сопротивление продуктом ритуализированных практик лиминальных стадий (Turner 1969; Тэрнер 1983). Термин «лиминальность» был введен в употребление А. ван Геннепом в начале XX в. (ван Геннеп 1999) и впоследствии получил междисциплинарную окраску (Бобков 2015; Сморгунов 2012; Veech 2011). Лиминальность в изначальном своем изложении обозначала всевозможную интерстициальность, т.е. состояния пребывания между стабильными психосоциальными уровнями индивидуального бытия. Согласно ван Геннепу, лиминальные стадии — это зоны потери индивидами социально-культурной идентичности, их квазисуществования, часто трактуемые по-своему в разных культурных условиях социума (как во времени, так и в пространстве). Как

отмечают Дж. Оверинг и Н. Раппорт, «человек, попадающий в ситуацию лиминальности, уже переступил порог данного прежде социального статуса или идентичности, но не приобрел новой... он находится вне рамок общепринятых для данного социума социально-культурных категорий, вне рамок нормальных представлений об идентичности, а также представлений о поведении, правилах игры, времени и пространстве, в которых эта идентичность должна формироваться» (Rapport, Overing 2000: 231). Для Тёрнера лиминальные ритуальные переходы знаменуют противопоставление структуры (т.е. наличествующего социального порядка) антиструктуре (антипорядоку), когда у низших слоев общества появляется возможность что-то противопоставить знати и даже занять на короткое время главенствующее положение в социуме. Таким образом, достигается временный эгалитарный эквilibrium, направленный опять же на поддержание уже устоявшейся структуры социальной иерархии. Однако, в отличие от Глюкмана, Тёрнер рассматривал индивидуальное сопротивление скорее как патологию социального порядка, приводя в примеры утопический миф о сопротивлении хиппи и битников или даже «маргинальную» революцию на Кубе в 1950-х годах.

Спонтанные формы сопротивления, будь то средневековая Англия в исследованиях Хобсбаума и последователей, либо традиционные общества стран Африки, где в первой трети XX в. полевые исследования проводили социальные антропологи, рассматривались авторами как вызовы «дополитическим» формам доминирования или власти, где дезорганизованное большинство противостояло организованному меньшинству.

В 1980-х годах, однако, внимание антропологов привлекает проблема обеспечения колониальными властями социального порядка в странах «третьего» мира и образование «преторианских» обществ в постколониальном мире. Социально-политический контекст исследований марксистов и представителей так называемой «маргинальной» школы (Subaltern studies school), с одной стороны, находится в русле классической для марксизма экономической детерминированности социальных процессов (способ производства определяет социально-культурные паттерны поведения) (Taussig 1980), с другой — ставит во главу угла исследование противопоставления гегемонии и «маргинальной» автономии (subaltern autonomy) (Guha 1983).

Взгляд марксистов наиболее ярко проявился в работе Майкла Тауссига «Дьявол и товарный фетишизм в Южной Америке» (1980). Тауссиг показал, каким образом изменения в восприятии денег, происходившие в среде крестьянства в процессе быстрой урбанизации и, как следствие, перехода в ряды рабочего класса, привели к интеграции образа денег

и христианского символа дьявола. Крестьяне внезапно очутились в чуждой для себя экономической реальности рынка (однако не в социальной среде), когда одновременный рост производительности труда и заработных плат рассматривался как результат сделки с дьяволом, приводящей в итоге к болезням и ранним смертям. Они не воспринимали производные рыночной экономики как индивидуальную собственность, поскольку отношения в крестьянской среде традиционно строились под воздействием механизма реципрокности, способствующей размыванию индивидуальной активности. Подобное олицетворение усилило негативное восприятие крестьянами капитализма и испанских колонизаторов, что выразилось в череде восстаний против аристократии, постепенно принявших черты национальной борьбы. Необходимо заметить, что работа Тауссига породила целый ряд дискуссий о природе сознания, деятельности как посредника между индивидами и социальной структурой и знания при формировании сопротивления в политическую эпоху.

Одним из важных итогов дискуссий стоит признать разработку Р. Гухой (1983) концепции «маргинальной» автономии, согласно которой автохтонные народы имеют собственное политическое сознание, независимое от колониальной элиты или представителей политической власти метрополии. «Маргинальная» автономия поставила ряд вопросов относительно разнородности восприятия гегемонии и социального порядка, рассматриваемых как культурные феномены: может ли гегемония гетерархичного толка (Бондаренко 2007)* порождать сопротивление в устойчивой социальной иерархии и каким образом сопротивление ведет к нарушению социального порядка. В середине 1980-х годов ответы на эти вопросы отчасти появились в работах Дж. Скотта, который рассматривал культурную гетерархичную гегемонию как основу для анализа стратегий сопротивления в странах Юго-Восточной Азии в раннюю постколониальную эпоху.

Латентные стратегии сопротивления в концепции Дж. Скотта

Подробный анализ работ Скотта дан в статье А. Никулина (см.: Никулин 2003). Здесь же автор затронет некоторые наиболее важные, по его мнению, черты концепции американского антрополога, проложившие путь к осмыслению феномена сопротивления на современном этапе постсоциалистического развития.

Можно выделить три теоретических основы концепции Скотта, определившие ее популярность среди антропологов и социологов:

---

* Гетерархия представляется здесь как система множества центров принятия решений. В результате гетерархия порождает полицентричную гегемонию.

- «моральная экономика» Э. Томпсона, историка-марксиста, под воздействием которого Скотт сформулировал свое определение гегемонии, определившее анализ дихотомии «подчинение — сопротивление»;
- исследование проблем развития под влиянием марксизма (development studies);
- социальная и политическая антропология, частью уже затронутая нами выше.

Позаимствовав у марксистов классовую категоризацию общественной структуры, Скотт следующим образом определил «подчиненное» сопротивление: «любое действие (действия) члена подчиненного класса, которое(ые) направлено(ы) либо на смягчение или полный отказ от требований (например, повышение ренты, налогов или символического престижа) элиты (например, лендлордов, крупных фермеров или государства), либо на выдвижение своих требований (например, обеспечение членов подчиненного класса рабочими местами или землей, побуждение к благотворительности, или проявлению уважения) к элите» (Scott 1985: 290, цит. по: Holmes 2007). Таким образом, под сопротивлением Скотт понимал скорее незаметные, в чем-то символические акты противодействия подчиненного класса, часто направленные на корректировку действий субъекта (элиты, государства и т.п.), чем на коренные изменения в текущей социальной динамике. Гегемония в этом ракурсе рассматривалась вслед за Томпсоном и некоторыми социальными антропологами (Thompson 1971; Comaroff, Comaroff 1991) как несводимая только к проявлениям власти, принимающая характер борьбы за обладание символическим капиталом.

Философская теория гегемонии зародилась в недрах идеализма Г. Гегеля, противопоставившего через образ «абсолютного» духа сознание угнетающего и сознание угнетенных (Гегель 2007), по мнению философа, не имеющих права на выражение несогласия с волей хозяина — положение, послужившее уже в XX в. основой обвинения Гегеля в обосновании политики авторитаризма и тоталитаризма (Поппер 1992; Рассел 2001). Как бы то ни было, идея Гегеля о predetermined социальной иерархии нашла применение в основном социологическом дискурсе вокруг проблемы гегемонии, которую наиболее полно развил П. Бурдьё. Бурдьё, с одной стороны, близок в понимании гегемонии как набора доминантных культурных форм к Р. Уильямсу — немарксистскому теоретику культуры, соратнику и коллеге Э. Хобсбаума (Бурдьё и др. 2005; Williams 1977), с другой стороны, противостоит А. Грамши — видному теоретику марксизма — в понимании природы сопротивления со стороны подчиненных, которые по причине своих опытных практик (габитуса) не способны,

согласно Бурдьё, понять «природу и условия того подчиненного положения, в котором они находятся» (Буравой 2012: 130). Скотт в своей концепции латентного рутинного сопротивления пошел по пути Грамши и классиков марксизма, отрицая представление о гегемонии как явлении классовой субординации, где классовое согласие и пассивное подчинение играют ведущую роль (Sivaramakrishnan 2005).

Еще Томпсон, исследуя социальные отношения в средневековой Англии, выдвинул идею «моральной экономики», подчеркивающей среди прочих моментов наличие обостренного чувства справедливости в среде угнетенных масс («по крайней мере в отношении нарушения их собственных интересов» (Thompson 1975: 262–263) и, согласно Томпсону, приводившее в Средневековье к упомянутому выше спонтанному бунту против несправедливых законов государства или, в восприятии угнетенных, знати*. Эта позиция Томпсона дала повод Скотту говорить о гегемонии как о процессуальном явлении, постоянно претерпевающим изменения, когда угнетенные, не испытывающие особой вражды к угнетателям, используют латентную стратегию сопротивления в целях корректирования существующего социального порядка. Согласно Скотту, такая корректировка связана с все еще существенным неравенством и отношениями эксплуатации, которые неравенство порождает внутри социальной структуры групп, характерных для развивающихся стран Юго-Восточной Азии — регионах полевого исследования антрополога. Переход на латентные стратегии и пересмотр отношений гегемонии исследователь связал с маргинализацией крестьянства и модернизацией сельскохозяйственного производства как продуктов, с одной стороны, общего процесса глобализации, с другой — промышленного переворота, докатившегося до стран третьего мира в 1960–1970-х годах (Scott 1990). Под воздействием двух отмеченных тенденций ослабла «симбиотическая взаимозависимость среди классов деревенского общества... и, как следствие, знать (высший класс) перестала нуждаться в символической легитимизации своей экономической власти среди угнетаемых» (Sivaramakrishnan 2005).

Таким образом, рутинное сопротивление, корректирующее социальный порядок, Скотт рассматривал как, с одной стороны, спонтанное, неиерархическое и широко организованное, с другой — достаточно скром-

---

* Справедливость воспринимается угнетенными, однако, не только как оказание почести со стороны знати, но и как вполне рациональное физическое самосохранение и экономический расчет, особенно во времена социально-экономических кризисов (Thompson 1971). Поэтому не стоит рассматривать «моральную экономику» как исключительно иррациональную, хаотичную и спонтанную.

ное в масштабе и не анархическое по своей природе, т.е. не направленное на свержение сложившегося политического режима и системы государственных институтов, а скорее отражавшее эволюционный характер расщепления гегемонии между несколькими центрами принятия решений и формирования мировоззрения в социуме.

Сопrotивление в «автономном» ресурсодобывающем сообществе: комплексные ответы на аномию

В последней части статьи автор хотел бы кратко обратиться к анализу современной формы сопротивления, отражающей в одних случаях эволюцию политической системы и политического процесса, в других — радикальные изменения социально-экономических и политических базисных системных элементов. Поскольку в большинстве случаев сопротивление является отличительной характеристикой самодостаточных социальных общностей, то предлагаем взять за объект анализа сообщества, специализирующиеся на изъятии возобновляемых биоресурсов*. Такие биоресурсы служат как целям внутреннего потребления, в том числе страхования в случае чрезвычайных ситуаций, так и средством взаимодействия с актором, претендующим на роль внешнего регулятора. Кроме того, значительна роль обладания подобным ресурсом как символическим капиталом, повышающим престиж и важность членства в конкретном сообществе.

Условно можно выделить три типа реализации концепта «сопротивления» в социальных условиях постмодерна. Эти типы зависят от возникновения и развития «автономного» сообщества или «автономии» сообщества в сложившихся социально-культурных рамках взаимодействия.

Первый развивался в условиях социально-политической стабильности и преемственности и малой вариативности изменений в экономической системе, не повлекшей за собой вызова для сообществ. «Автономность» сообщества определяется здесь как «степень экономической, социальной и политической взаимосвязанности с соседними сообществами и регионом

---

* Как бы то ни было, к объектам анализа можно было бы отнести любое криминальное сообщество. Однако выбор объекта в виде ресурсодобывающих сообществ, по мнению автора, дает возможность учета разных видов социально-экономического и политического взаимодействия, в рамках значительных, скорее, по выражению Й. Расанаягама (Rasanaayagam 2003; Ермолин 2015), «контекстуальных» территориальных пространств. Ресурсодобывающие сообщества отличает предельно выраженная социальная укорененность экономических практик ее членов, заключающаяся как в сочетании разных типов неформальной экономики, так и в осуществлении отложенных функций государства.

как единым целым» (Russel, Harris 2004: 22–23). Теоретики такого подхода к автономности (Poplin 1979; Russel, Harris 2004; Gray et al. 2005) подчеркивают, что термин «автономность» должен ассоциироваться прежде всего с политической независимостью, которая обеспечивает способность для сообщества функционировать как сплоченная и мультифункциональная общность, обеспечивающая для своих членов высокий уровень благосостояния, достигающийся за счет «контроля над событиями жизни общества и деятельностью его членов (Poplin 1979: 150). Контроль, однако, не означает ущемления гражданских и социальных прав членов сообщества. Чувство сообщества вырабатывается в каждом его члене благодаря определенному набору коллективных ценностей и правильной социализации, что дает возможность соединить легальность и легитимность внутри общности. Необходимо заметить, что политическая «автономия» сообществ носит неанархический характер и рассматривается авторами исключительно в рамках эволюции установленной политической системы, поэтому такая автономность не подразумевает наличия большого объема нелегальной экономической деятельности и, соответственно, сопротивление здесь носит скорее символический характер, выражающийся в наличии формальной оппозиции к существующей модели социально-политического порядка, степени формальной самоорганизации и т.п. Гораздо больший интерес с точки зрения анализа сопротивления как адаптивной социальной стратегии представляют второй и третий типы «автономного» сообщества.

Второй и третий типы «автономии» исследовались в контексте генезиса социально-культурных и экономических практик стран бывшего СССР*. Под автономным сообществом здесь понимается «форма социальной организации индивидов, которая в результате эволюции социальной, экономической и политической систем превратилась в единицу хозяйственного самоуправления на определенной территории, полностью либо частично заменяющей государство в предоставлении социальных и экономических благ, обеспечении контроля над хозяйственной деятельностью и безопасностью своих членов» (Ермолин 2019: 86). Автономия этих типов, по мнению автора статьи, представляет собой реакцию локальных социальных групп (в данном случае ресурсодобывающих)

---

* Думается, что концептуально автономия постсоциалистического развития может быть распространена и на траекторию исторической колеи постколониального мира. К. Вердери и Ш. Чари проводят подобные параллели между постсоциализмом и постколониализмом, указывая на схожесть социально-культурных изменений в социальных системах, произошедших сразу после радикальных трансформаций политического режима (Verdery 2002; Chari, Verdery 2009).

на состояние аномии (Дюркгейм 1912; Мертон 1992; Ortu 1987) как результат дисфункции развития после распада СССР*. Социальная реакция локальных ресурсодобывающих сообществ заключалась в создании новых устойчивых неформальных институтов** за очень короткий срок. Институты способствовали возникновению социального порядка постановии, политическим оформлением которого и явилась анархическая форма управления (рис.). Анархия подразумевает децентрализованную форму управления и способствует выражению сопротивления всеми социальными группами, входящими в состав сообщества, в форме сопротивления имплементации любых государственных мер регулирования. Сопротивление порождает важные социальные функции, которые в иной ситуации исполняло бы государство: от помощи наиболее обездоленным слоям населения до специфических форм долгового оборота внутри сообщества, основанных на реципрокности и поруче моральных обязательств. Таким образом, девиантные формы социальной адаптации по Мертону (Мертон 1992) в закрытых сообществах становятся социально-легитимными для всех его членов, хотя и нелегальными с точки зрения правовой системы государства. При этом единственным вариантом прекращения функционирования основных социальных институтов является не ужесточение контроля со стороны государства за экономической деятельностью сообщества, а полное исчерпание ресурсной базы.

Для анализа сопротивления в «постановическом» автономном сообществе концептуальным ориентиром может стать модель мягких и жестких форм неформальной деятельности, предложенная Ермолиным и Сволкинасом (Ermolin, Svolkinas 2016). Согласно ей, сопротивление в ресурсодобывающем сообществе представляет собой сложный адаптивный процесс, в котором сочетаются как мягкие формы неформальной деятельности («оружие слабых» /Scott 1985/) в виде, например, вылова в небольших количествах ценных пород рыб на лицензированных рыболовческих участках, сдачи «налево» рыбы частичковых пород, сбора ягод и грибов в запрещенных для этого местах, так и жесткие формы, когда местное население сообществ показывает прямое несоблюдение регуля-

---

* Другим примером реакции на аномии или выходом из состояния аномии может служить «расконсервация» религиозных норм ислама на Северном Кавказе в начале 1990-х годов (Стародубровская 2015; Казенин 2015).

** Институт определяется как «отрегулированные и повторяющиеся образцы человеческого поведения, основанные на информации, источником которой служат определенные правила, нормы и стратегии, используемые людьми при совершении ими определенных действий» (Норт 1997; Остром 2010: 37; см. подробнее: Ермолин 2015).

Рис. Социальная реакция членов «автономного» сообщества анархистского типа

тивных норм (non-compliance), прорываясь в открытое море для изъятия особо ценных видов биоресурсов в сезон путины или установка нелегальной пилорамы в районе, где официально запрещена вырубка леса, и т.п.

Такие мягкие формы преобладают в автономных сообществах второго типа с характерной пространственной изоляцией (или самоизоляцией) (Виноградский 2002; Нефёдова 2003; Rasanayagam 2003; Плюснин 2008; Позаненко 2017, 2018; Давыдов 2008; Bell et al. 2007; Gerky 2011; Davydov

2014)*, когда транспортная труднодоступность, удаленность от институтов публичной власти и властный дискурс государства играют важнейшую роль для образования социально-экономической автономии. Преобладание мягких форм (или «оружия слабых») отнюдь не говорит о незначительной роли форм открытого сопротивления в социальной среде сообщества. Когда сообщество переходит на наиболее востребованные рынком биоресурсы, государство реагирует соответствующим ужесточением регулирования. Включаются жесткие формы сопротивления, заставляющие государство пойти на уступки членам сообщества и вернуться к первоначальному статусу-кво, так как социальные издержки внедрения регулятивных мер во многих случаях превышают их эффективность.

Третий тип автономии, получивший небольшое внимание в научных и экспертных кругах, наоборот, отличается преобладанием жестких форм сопротивления над мягкими (Hübschle 2015; Ermolin and Svolkinas 2016; Ермолин 2019; Симонова, Давыдов 2014), опять же с возможностью смены форм сопротивления в зависимости от ужесточения или смягчения мер государственного регулирования. В отличие от второго типа автономии, такие сообщества располагаются в большинстве своем в транспортной доступности от региональных или районных центров, обладая политической оппозицией публичной власти, причем часто внутри оппозиции происходит раскол между консерваторами, отстаивающими традиционные стратегии жизнедеятельности местного населения, и условными либералами, выступающими за экономические инновации, которые позволили бы повысить, например, эффективность ЛПХ или хотя бы сделать его рентабельным. Тогда как развитая самоорганизация, основанная на широкой системе действия реципрокных и редистрибутивных механизмов и системы взаимного вспомоществования (вплоть до создания неофициальной системы социального страхования), присуща обоим типам сообществ, криминальная экономика как часть неформальной служит основой упомянутых стратегий жизнедеятельности большинства членов сообщества третьего типа, порождая специфические социальные институты — ячейки местного сообщества, с одной стороны, и стержневые оси организованного сопротивления (например, нелегальные рыболовецкие бригады в регионах Каспийского водного бассейна, Дальнего Востока РФ, При-

---

* Представляется, что в работах А. Позаненко и Ю. Плюсина, предпочитающих называть сообщества самоизолированными, не совсем четко выделены критерии различия изоляции и самоизоляции, а также не определен динамический момент смены данных состояний в историческом контексте. Между тем *изоляция* и *самоизоляция* — важные индикаторы изменения социальной структуры не только сообществ, но и общества в целом.

байкаля и т. п.) — с другой. Подобные полулегальные образования есть и в сообществах второго типа автономии (наподобие женсовета в изолированных сообществах регионов Крайнего Севера /Позаненко 2018/), но они не порождают крайние жесткие формы сопротивления, как в случае «осетровой» бригады (Ермолин 2019), и не представляют собой источник первичной либо вторичной социализации, когда нелегальные, но легитимные (с точки зрения сообщества) практики становятся для индивидов априорными с рождения. Соответственно значение таких социальных институтов, как семья и школа, здесь нивелируется преобладанием специфических социальных институтов.

Сопротивление в обоих типах автономии принимает характер сетевой коммуникации, которую можно обозначить термином «кошачья сеть» (catnet) (Tilly 1978; 1984). Такая сеть предоставляет возможность членам сетевой категориальной социальной группы (собственно, то, что обозначается термином «кошачья сеть») формировать свою коллективную идентичность путем обмена информацией через коммуникативные сети. В третьем типе автономных сообществ коллективная идентичность складывается в упомянутых специфических социальных институтах, в которых редистрибутивность преобладает над реципрокностью (в отличие от сообществ второго типа), причем, как было показано Ермолиным, независимо от наличия родовых отношений в социальной группе, считающихся основным источником возникновения иерархии (Ермолин 2019). Коллективная идентичность второго типа автономии носит более полицентрический характер: отсутствие необходимости социальной мобилизации членов сообщества, вызванное оторванностью от центров принятия политических решений и игнорированием государством «оружия слабых», соответствующее главенство механизма реципрокности в коммуникативных сетях не задвигают традиционные социальные институты (семья и школа) на обочину местного социума, как в случае автономии третьего типа.

Наконец, разное чередование форм сопротивления в общей модели социальной постановимической адаптации диктует и неординарное проявление феномена гегемонии. Если акторы второго типа автономного сообщества в целом не оспаривают наличие государства как социально-политического гегемона (неэкономического!), то образ государства как внешнего врага и часто внутренняя оппозиционность внутри сообщества третьего типа автономии бросают открытый вызов моноцентричной модели гегемонии*.

---

* В этом можно увидеть параллели с концепцией «маргинальной» автономии Гухи, только место колониальных администраций здесь занимают прежде всего

Вместо заключения: социальные факторы провалов государственного регулирования

Схожая историческая социальная динамика двух постановочных типов автономного сообщества тем не менее ставит перед государством непреодолимые задачи эффективного регулирования. Адаптационная стратегия мягких и жестких форм сопротивления вынуждает государство упрощать процесс принятия решений и придерживаться жесткой модели сдерживания (*deterrence model*), когда дело касается изъятия ценных возобновляемых биоресурсов (в том числе ценных пород древесины) (смотрите анализ режима расширения пограничной зоны РФ: Голунов 2012, Ермолин 2015). Однако такая стратегия терпит неудачу, поскольку наличие собственных социальных групп с развитой самоорганизацией и закрытой первичной и вторичной социализацией членов сообщества, распределение сопротивления по «кошачьей сети», охватывающей все социальные группы, постоянное корректирование (в динамике) и без того устойчивых к внешним шокам неформальных институтов, благодаря которым автономия сообществ зародилась и длительное время эволюционировала, способствуют выстраиванию успешных долгосрочных адаптационных механизмов, транслируемых через каналы межпоколенческих связей.

Литература

- Бобков А.И. (2015) Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов. *Вестник Томского государственного университета*, 394: 74–78. <https://doi.org/10.17223/15617793/394/12>.
- Бондаренко Д.М. (2007) Сложности со «сложностью» (гетерархия, гомархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой). *Общественные науки и современность*, 5: 141–149.
- Буравой М. (2012) Восемь бесед с Пьером Бурдьё (конспект выступления в университете Витвортерсрэнда (ЮАР), март 2010 г.). *Социологические исследования*, 3: 128–132.
- Бурдьё П. (2005) *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя.
- Ван Геннеп А. (1999) *Обряды перехода*. М.: Восточная литература РАН.
- Виноградский В.Г. (2002) «Орудия слабых»: экономика крестьянской повседневности. Шанин Т., Никулин А., Данилов В. (ред.) *Рефлексивное крестьянство: десятилетие исследований сельской России*. М.: МВШСЭН; РОСПЭН: 294–313.
- Гегель Г. (2007) *Феноменология духа. Философия истории*. М.: Эксмо.

Пограничная Служба ФСБ РФ, ГИМС, региональные МВД и реге региональные и федеральные ОИВ.

- Голунов С. (2012) Приграничная зона. *Отечественные записки*, 2.
- Давыдов В.Н. (2008) Национальная эвенкийская деревня на Северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11(3): 146–163.
- Дюркгейм Э. (1912) *Самоубийство. Социологический этюд*. СПб.: Н.П. Карбасников.
- Ермолин И.В. (2015) Процессы коммунального саморегулирования «неформальной» экономики (на примере прибрежного рыболовства в Сулаке, Республика Дагестан). *Экономическая политика*, 10(1): 159–176.
- Ермолин И.В. (2019) Предумышленный прилов Каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход. *Экономическая социология*, 20(1): 83–123. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-1-83-122>.
- Казенин К.И. (2015) Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации». *Экономическая политика*, 10(3): 113–133. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-06>.
- Маркс К. (1955) Нищета философии. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. В 55 т. Т. 4. М.: Политиздат: 65–185.
- Мертон Р.К. (1992) Социальная структура и аномия. *Социологические исследования*, 2: 118–124; 3: 91–96; 4: 104–114.
- Нефедова Т.Г. (2003) Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности. *Мир России*, 12(3): 35–61. <https://mirros.hse.ru/article/view/5278>.
- Никулин А.М. (2003) Власть, сопротивление и подчинение в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта. *Вестник РУДН. Серия «Социология»*, 4–5: 148–158
- Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Остром Э. (2010) *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН.
- Плюснин Ю.М. (2008) Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 3: 38–50.
- Позаненко А.А. (2017) Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 4: 244–255. <https://doi.org/10.17223/1998863X/40/23.40>.
- Позаненко А. (2018) «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ. *Мир России*, 27(4): 31–55. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55>.
- Поланьи К. (2002) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Поппер К. (1992) *Открытое общество и его враги*. В 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского М.: Культурная инициатива; Феникс.

Рассел Б. (2001) *История западной философии*. СПб.: Азбука, 2001.

Симонова В., Давыдов В. (2014) Красное золото и оборотни: браконьерство в контексте отношений человека и лосося на Северо-Восточном Сахалине. *Экологическая вахта Сахалина* [<https://ecosakh.ru/2014/12/09/v-simonova-vdavydov-krasnoe-zoloto-i-oborotni-brakonerstvo-v-kontekste-otnoshenij-cheloveka-i-lososya-na-severo-vostochnom-sahaline/>] (дата обращения: 25.05.2019).

Сморгунов Л.В. (2012) Политическое между: феномен лиминальности в современной политике. *ПОЛИС: Политические исследования*, 5: 159–169.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.

Стародубовская И.В. (2015) Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*, 10(3): 68–88. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-04>.

Тэрнер В. (1983) *Символ и ритуал*. М.: Наука.

Archer J. (1999) Poaching Gangs and Violence: The Urban-Rural Divide in Nineteenth-Century Lancashire. *British Journal of Criminology*, 39: 25–38. <https://doi.org/10.1093/bjc/39.1.25>.

Beech N. (2011) Liminality and the practices of identity reconstruction. *Human Relations*, 64(2): 285–302. <https://doi.org/10.1177%2F0018726710371235>.

Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, 16(2): 399–418. <https://doi.org/10.1007/s10531-005-3371-y>.

Chari Sh., Verdery K. (2009) Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War. *Comparative Studies in Society and History*. 51(1): 6–34. <https://doi.org/10.1017/S0010417509000024>.

Comaroff J., Comaroff J. (1991) *Of Revelation and Revolution*. Vol. 1: *Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa*. Chicago: University of Chicago Press.

Davydov V. (2014) Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki village. *Polar Record*, 50(255): 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>.

Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. (1998) The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*, 11(1): 25–38. <https://doi.org/10.1080/08941929809381059>.

Forsyth C., Marckese T.A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, 14(2): 157–172. <http://dx.doi.org/10.1080/01639625.1993.9967935>.

Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who owns sturgeon in the Caspian? New theoretical model of social responses towards state conservation policy. *Biodiversity and Conservation*, 25(14): 2929–2945. <https://doi.org/10.1007/s10531-016-1211-x>.

Gerkey D. (2011) Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Commons. *Anthropology of Work Review*, 32(2): 77–89. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1417.2011.01060.x>.

Gluckman M. (1954) *Rituals of rebellion in South-east Africa*. Manchester: Manchester University Press.

Gray I., Williams R., Phillips E. (2005) Rural community and leadership in the management of natural resources: Tensions between theory and policy. *Journal of Environmental Policy and Planning*, 7(2): 125–139. <https://doi.org/10.1080/15239080500338523>.

Guha R. (1983) *Elementary aspects of peasant insurgency in colonial India*. Delhi: Oxford University Press.

Hay D. (1975) Poaching and the Game Laws on Cannock Chase. In: Hay D., Linebaugh P., Rule J.G., Thompson E.P., Winslow C. (eds.) *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England*. N.Y.: Pantheon: 189–254.

Hobsbawm E.J. (1959) *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Manchester: University of Manchester Press.

Hobsbawm E.J. (1985) *Bandits*. L.: Penguin.

Holmes G. (2007) Protection, Politics and Protest: Understanding Resistance to Conservation. *Conservation and Society*, 5(2): 184–201.

Hübschle A.M. (2015) *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis. Universität zu Köln.

Jones D. (1979) The Poacher: A Study in Victorian Crime and Protest. *Historical Journal*, 22: 825–860.

Manning R. (1993) *Hunters and Poachers: A Social and Cultural History of Unlawful Hunting in England 1485–1640*. Oxford: Oxford University Press.

Mintz S. (1985) *Sweetness and power: the place of sugar in modern history*. N.Y.: Viking-Penguin.

Orru M. (1987) *Anomie: History and Meanings*. Boston, MA: Allen and Unwin.

Osborne H., Winstanley M. (2006) Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Journal of Rural History*, 2: 187–212. <http://doi.org/10.1017/S0956793306001877>.

Paoli L. (2008) The Decline of the Italian Mafia. In: Siegel D., Nelen H. (eds.) *Organized Crime: Culture, Markets and Policies*. N.Y.: Springer: 15–28.

Poplin D.E. (1979) *Communities: A survey of theories and methods of research*. 2nd ed. N.Y.: Macmillan.

Rapport N., Overing J. (2000) *Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts*. L.; N.Y.: Routledge.

Rasanayagam J. (2003) *Market, State and Community in Uzbekistan: reworking the concept of the informal economy*. Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Paper, 59.

Russell K.C., Harris Ch. (2001) Dimensions of Community Autonomy in Timber Towns in the Inland Northwest. *Society and Natural Resources*, 14(1): 21–38. <https://doi.org/10.1080/08941920118933>.

Scott J. (1985) *Weapons of the weak. Everyday forms of peasant resistance*. New Haven; L.: Yale University Press.

Scott J. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.

Sivaramakrishnan K. (2005) Some Intellectual Genealogies for the Concept of Everyday Resistance. *American Anthropologist*, 107(3): 346–355. <https://doi.org/10.1525/aa.2005.107.3.346>.

Taussig M. (1980) *The devil and commodity fetishism in South America*. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press.

Thompson E.P. (1971) *Moral Economy of the English Working Class in the 17th Century*. L.: Merlin Press.

Thompson E.P. (1975) *Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act*. L.: Breviary Stuff Publications.

Tilly Ch. (1978) *From mobilization to revolution*. N.Y.: Random House.

Tilly Ch. (1984) *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N.Y.: Russell Sage Foundation.

Turner V. (1969) *The ritual process: structure and anti-structure*. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press.

Williams R. (1977) *Marxism and Literature*. L.: Penguin.

Wolf E. (1982) *Europe and the people without history*. Berkeley: University of California Press.

Verdery K. (2002). Whither Postsocialism? In: Hann C.M. (ed.) *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. L.: Routledge: 15–28.

CONCEPTUALIZING THE “RESISTANCE”: FROM DISORGANIZED FORMS TOWARDS COMPLEX RESPONSES

Ilya Ermolin (ilyaer31@gmail.com)

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;
University of Leeds, United Kingdom

Citation: Ermolin I. (2019) Fenomen «soprotivleniya»: ot spontannogo proyavleniya k kompleksnym otvetam [Conceptualizing the “resistance”: from disorganized forms towards complex responses]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 141–165 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.6>.

Abstract. The article explores concerns how the phenomenon of resistance had developed since the Middle Ages until contemporary times. Author analyses different conceptual frameworks within which the resistance was paid the prime attention: starting from Neo-Marxism and the works of early anthropologists of mid 20-th century on liminality through the concept of moral economy developed by James Scott to the concept of resistance within autonomous community as the basis for developing the complex responses towards state regulatory policy. Resistance, initially perceived as an individual act, had gradually been considered as collective action problem (CAP) that enables autonomous community members to successfully counteract the introduction of deterrence state policy. While resistance remains at the core of community policy, there is a difference among three types of autonomous communities in that how the resistance works in practice. The first type of autonomy reflects the historical developments in the countries of Western Europe and the USA, where resistance takes on a symbolic meaning. Second and third types of autonomy are made by the anomie occurred throughout the post soviet space soon after the USSR collapsed in the 1990s. Here the autonomization of communities is seen as a social reaction towards anomie when a new set of informal institutions turned out to be effective and resilient to exogenous regulatory, political and economic shocks. These communities consist of important social entities that bring their own youth socialization, combining the soft and hard forms of informal economy as the main livelihood strategies, thus, challenging the state social and economic hegemony.

Keywords: resistance, autonomous community, liminality, hegemony, anomie, hard and soft forms of social responses.

References

- Archer J. (1999) Poaching Gangs and Violence: The Urban-Rural Divide in Nineteenth-Century Lancashire. *British Journal of Criminology*, 39: 25–38. <https://doi.org/10.1093/bjc/39.1.25>.
- Beech N. (2011) Liminality and the practices of identity reconstruction. *Human Relations*, 64(2): 285–302. <https://doi.org/10.1177/0018726710371235>.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, 16(2): 399–418. <https://doi.org/10.1007/s10531-005-3371-y>.
- Bobkov A.I. (2015) Social'naya liminal'nost' i skonstruirovannaya etnoarhaika: razlichie smyslov [Social liminality and constructed ethnoarchaics: difference of meanings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 394: 74–78. <https://doi.org/10.17223/15617793/394/12> (in Russian).
- Bondarenko D.M. (2007) Slozhnosti so «slozhnost'yu» (geterarhiya, gomoarhiya i kategorial'nye raskhozhdeniya mezhdru social'noj antropologiej i sinergetikoj) [Difficulties placed in difficulties (heterarchy, homoarchy and discrepancy in defining the categories by social anthropology and synergy)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and contemporary world], 5: 141–149 (in Russian).
- Bourdieu P. (2005) *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Burawoy M. (2012) Vosem' besed s Pierrom Bourdieu (konspekt vystupleniya v universitete Vitvortersrenda (YUAR), mart 2010 g.) [Eight conversations with Pierre

Bourdieu (synopsis of speech done in Witvortersrend University (South Africa)]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 128–132 (in Russian).

Chari Sh., Verdery K. (2009) Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War, *Comparative Studies in Society and History*. 51 (1): 6–34. <https://doi.org/10.1017/S0010417509000024>.

Comaroff J., Comaroff J. (1991) Of Revelation and Revolution, vol. 1: *Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa*. Chicago: University of Chicago Press.

Davydov V. (2014) Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki village. *Polar Record*, 50(255): 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>.

Davydov V.N. (2008) Nacional'naya evenkijskaya derevnya na Severnom Bajkale: soprotivlenie dominiruyushchemu diskursu [Native Evenki Village in Northern Baikal: resistance towards state discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 11(3): 146–163 (in Russian).

Durkheim E. (1912) *Samoubijstvo. Sociologicheskij etyud* [Suicide]. St. Petersburg: N.P. Karbasnikov (in Russian).

Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who owns sturgeon in the Caspian? New theoretical model of social responses towards state conservation policy. *Biodiversity and Conservation*, 25(14): 2929–2945. <https://doi.org/10.1007/s10531-016-1211-x>.

Ermolin I.V. (2015) Processy kommunal'nogo samoregulirovaniya «neformal'noj» ekonomiki (na primere pribreznogo rybolovstva v Sulake, Respublika Dagestan [Communal Self-Regulation of “Informal” Economy: Evidences from Northern Dagestan in Russia]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 10(1): 159–176 (in Russian).

Ermolin I.V. (2019) Predumyshlennyy prilov Kaspiyskogo tyulena i razvitie nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sociologicheskij podhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 20(1): 83–123. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-1-83-122> (in Russian).

Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. (1998) The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*, 11(1): 25–38. <https://doi.org/10.1080/08941929809381059>.

Forsyth C., Marckese T.A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, 14(2): 157–172. <http://dx.doi.org/10.1080/01639625.1993.9967935>.

Gerkey D. (2011) Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Commons. *Anthropology of Work Review*, 32(2): 77–89. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1417.2011.01060.x>.

Gluckman M. (1954) *Rituals of rebellion in South-east Africa*. Manchester: Manchester University Press.

Golunov S. Prigranichnaya Zona [Border Zone]. *Otechestvennye Zapiski*, 2012, 2 (in Russian).

Gray I., Williams R., Phillips E. (2005) Rural community and leadership in the management of natural resources: Tensions between theory and policy. *Journal of Environmental Policy and Planning*, 7(2): 125–139. <https://doi.org/10.1080/15239080500338523>.

Guha R. (1983) *Elementary aspects of peasant insurgency in colonial India*. Delhi: Oxford University Press.

Hay D. (1975) Poaching and the Game Laws on Cannock Chase. In: Hay D., Linebaugh P., Rule J.G., Thompson E.P., Winslow C. (eds.) *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England*. New York: Pantheon: 189–254.

Hegel G. (2007) *Fenomenologiya Dukha. Filosofiya istorii* [Phenomenology of spirit. The philosophy of history]. Moscow: Eksmo (in Russian).

Hobsbawm E.J. (1959) *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. Manchester: University of Manchester Press.

Hobsbawm E.J. (1985) *Bandits*. London: Penguin.

Holmes G. (2007) Protection, Politics and Protest: Understanding Resistance to Conservation. *Conservation and Society*, 5(2): 184–201.

Hübschle A.M. (2015) *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis. Universität zu Köln.

Jones D. (1979) The Poacher: A Study in Victorian Crime and Protest. *Historical Journal*, 22: 825–860.

Kazenin K.I. (2015) Regulirovanie zemel'nyh otnoshenij v Dagestane: social'no-ekonomicheskie korni «tradicionalizatsii» [Land Property Regulation in Dagestan: Socio-economic Basis of “Traditionalization”]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 10(3): 113–133. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-06> (in Russian).

Manning R. (1993) *Hunters and Poachers: A Social and Cultural History of Unlawful Hunting in England 1485–1640*. Oxford: Oxford University Press.

Marx K. (1955) Nishcheta filosofii (The poverty of philosophy). In: Marx K., Engels F. *Sobraniye Sochineniy* [Selected Works]. In 55 vol., vol. 4. Moscow: Politizdat: 65–185 (in Russian).

Merton R.K. (1992) Social'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 118–124; 3: 91–96; 4: 104–114 (in Russian).

Mintz S. (1985) *Sweetness and power: the place of sugar in modern history*. New York: Viking-Penguin.

Nefedova T.G. (2003) Social'no-ekonomicheskaya i prostranstvennaya samoorganizatsiya v sel'skoj mestnosti [Social, Economic and Spatial Self-Organization in Rural Area]. *Mir Rossii* [Universe of Russia: Sociology, Ethnology], 12(3): 35–61. <https://mirros.hse.ru/article/view/5278> (in Russian).

Nikulin A.M. (2003) Vlast', soprotivlenie i podchinenie v koncepcii «moral'noj ekonomiki» Dzhedjmsa Skotta [Power, Subordination and Opposition in James Scott's “Ethical Economy” Concept]. *Vestnik RUDN. Seriya «Sociologiya»* [RUDN Journal of Sociology], 4–5: 148–158 (in Russian).

North D. (1997) *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» (in Russian).

Orru M. (1987) *Anomie: History and Meanings*. Boston, MA: Allen and Unwin.

Osborne H., Winstanley M. (2006) Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Journal of Rural History*, 2: 187–212. <http://doi.org/10.1017/S0956793306001877>.

Ostrom E. (2010). *Upravlyaya obshchim: evolyuciya institutov kolektivnoj deyatel'nosti* [Governing the Commons: the evolution of institutions for collective action]. Moscow: IRISN (in Russian).

Paoli L. (2008) The Decline of the Italian Mafia. In: Siegel D., Nelen H. (eds.) *Organized Crime: Culture, Markets and Policies*. New York: Springer: 15–28.

Plyusnin Y.M. (2008) Faktory razvitiya mestnogo samoupravleniya. Ocenka znacheniya izolyacii i izolyacionizma [Local Self-government Development Factors. Assessment of importance isolation and isolationism]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 3: 38–50 (in Russian).

Polanyi K. (2002) *Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskiye istoki nashego vremeni* [Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Poplin D.E. (1979) *Communities: A survey of theories and methods of research*. 2nd ed. New York: Macmillan.

Popper K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. In 2 vol. Moscow: Kul'turnaya iniciativa; Feniks (in Russian).

Pozanenko A. (2017) Prostranstvennaya izolyaciya i ustojchivost' lokal'nyh soobshchestv: k razvitiyu sushchestvuyushchih podhodov [Territorial Isolation and the Sustainability of Local Communities: Developing the Existing Approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 4: 244–255. <https://doi.org/10.17223/1998863X/40/23> (in Russian).

Pozanenko A. (2018) «Otdel'naya tipa respublika»: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannyh lokal'nyh sel'skih soobshchestv [“A Kinda Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities]. *Mir Rossii* [Universe of Russia: Sociology, Ethnology], 27(4): 31–55. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55> (in Russian).

Rapport N., Overing J. (2000) *Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts*. London; New York: Routledge.

Rasanayagam J. (2003) *Market, State and Community in Uzbekistan: reworking the concept of the informal economy*. Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Paper, 59.

Russell B. (2001) *Istoriya zapadnoj filosofii* (A History of Western Philosophy). St. Petersburg: Azbuka, 2001 (in Russian).

Russell K.C., Harris Ch. (2001) Dimensions of Community Autonomy in Timber Towns in the Inland Northwest. *Society and Natural Resources*, 14(1): 21–38. <https://doi.org/10.1080/08941920118933>.

Scott J. (1985) *Weapons of the weak. Everyday forms of peasant resistance*. New Haven; London: Yale University Press.

Scott J. (1990) *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press.

Scott J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Simonova V., Davydov V. (2014) Krasnoe zoloto i oborotni: brakonerstvo v kontekste otnoshenij cheloveka i lososya na Severo-vostochnom Sahaline [Red Gold and Werewolves: poaching as an indicator of human-salmon relations in Northeast Sakhalin]. *Ekologicheskaya vakhta Sakhalina* [Sakhalin Environment Watch] [<https://ecosakh.ru/2014/12/09/v-simonova-vdavydov-krasnoe-zoloto-i-oborotni-brakonerstvo-v-kontekste-otnoshenij-cheloveka-i-lososya-na-severo-vostochnom-sahaline/>] (accessed: 25.05.2019) (in Russian).

Sivaramakrishnan K. (2005) Some Intellectual Genealogies for the Concept of Everyday Resistance. *American Anthropologist*, 107(3): 346–355. <https://doi.org/10.1525/aa.2005.107.3.346>.

Smorgunov L.V. (2012) Politicheskoe mezhdru: fenomen liminal'nosti v sovremennoj politike [Political between: the phenomenon of liminality in contemporary politics]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 5: 159–169 (in Russian).

Starodubrovskaya I.V. (2015) Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyah institucional'noj transformatsii [Informal institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 10(3): 68–88. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-04> (in Russian).

Taussig M. (1980) *The devil and commodity fetishism in South America*. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press.

Thompson E.P. (1971) *Moral Economy of the English Working Class in the 17th Century*. London: Merlin Press.

Thompson E.P. (1975) *Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act*. London: Breviary Staff Publications.

Tilly Ch. (1978) *From mobilization to revolution*. New York: Random House.

Tilly Ch. (1984) *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation.

Turner V. (1969) *The ritual process: structure and anti-structure*. Ithaca; New York: Cornell University Press

Turner V. (1983) *Simvol i ritual* (The symbol and ritual). Moscow: Nauka (in Russian).

Van Gennep A. (1999) *Obrady perekhoda* (The Rites of Passage). Moscow: Vostochnaya literatura RAN (in Russian).

Verdery K. (2002). Whither Postsocialism? In: C.M. Hann (ed.) *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London: Routledge: 15–28.

Vinogradskiy V.G. (2002) «Orudiya slabyh»: ekonomika krest'yanskoj povsednevnosti (Weapons of the weak: the economy of peasants' everyday life). In: Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (eds.) *Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovanij sel'skoj Rossii* [Reflexive peasant studies: Decades of research of rural Russia]. Moscow: MVSHSEN, ROSSPEN: 294–313 (in Russian).

Williams R. (1977) *Marxism and Literature*. London: Penguin.

Wolf E. (1982) *Europe and the people without history*. Berkeley: University of California Press.